

— Да, это я.

Цзян Вэньчжоу наклонился и ответил, прильнув губами к самому уху Чу Яня.

Ушки маленького альфы были покрыты нежным пушком, такой же мягкий мех пробивался на его щеках, напоминая свежесорванный, спелый персик. Фигура маленького альфы была хрупкой и утонченной, а черты лица — холодными и изящными, он был красивее большинства омег. Даже уши у него были словно выточены из белого нефрита — изящные и крошечные; любой энигма, глядя на них, невольно захотел бы зажать мочки в ладонях и ласково потереть их.

Хотя лицо Чу Яня было обезображено жуткими шрамами, Цзян Вэньчжоу вовсе не считал их отталкивающими или пугающими. Напротив, императору казалось, что эти отметины придают безупречному облику Чу Яня некую хрупкость и надломленность, пробуждая в душе благоговейное сострадание.

Цзян Вэньчжоу подумал, что Чу Янь прекрасен в любом состоянии, просто это была красота разных оттенков.

Сквозь слегка разошедшиеся края раны Цзян Вэньчжоу видел его белоснежную, почти прозрачную ключицу. Из-за сильного истощения кожа натянулась, образовав две глубокие, прямые линии, уходящие под пропитанную кровью рубашку, скрывающую нежную, словно высеченную из льда и снега плоть. В этой утонченности сквозило нечто пленительное.

— Я только что узнал о тебе от адмирала Шэня. Благодаря тому, что ты принял на себя смертельный удар врага, империя смогла одержать победу в этой битве. Прости, кажется, я опоздал.

Будучи верховным главнокомандующим империи и командующим в этой кампании, император до последнего сражался в самой гуще событий. Именно благодаря его неожиданной, стремительной тактике удалось закончить битву в столь короткие сроки, и только после этого Чу Янь смог вернуться в столицу для лечения.

— Ты плохо себя чувствуешь?

Энигма, одетый в официальный мундир императора, стоял перед маленьким альфой, выпрямившись во весь рост. От него исходил тонкий, невероятно притягательный и узнаваемый аромат, который едва ощутимо окутывал маленького альфу. Видимо, из-за недавнего возвращения с поля боя император не успел привести себя в порядок: густые черные волосы были растрепаны ветром и дождем, напоминая величественную гриву охотничьего леопарда, полную дикой, необузданной жизненной силы энигмы.

Подол длинного мундира императора опустился на влажный газон. Когда энигма подхватил маленького альфу на руки, ткань прочертила по траве полукруг, собрав немного травы, но он

не обратил на это никакого внимания.

— Что именно тебя беспокоит? Головокружение? Или поднялась температура?

Энигма в кожаной перчатке завел левую руку за изящную, лебединую шею маленького альфы, придерживая его. Удерживая юношу в своих объятиях, император наклонился еще ближе — казалось, он вот-вот коснется губами его губ. Однако, заметив, как в глазах маленького альфы мелькнул испуг, он перенес движение на руку, лежащую у лица Чу Яня. Он зубами стянул перчатку с пальцев и отбросил ее на траву. Сухие, слегка прохладные пальцы с грубоватой кожей коснулись кожи маленького альфы.

— Температуры нет. Тогда в чем дело? Низкий уровень сахара?

Цзян Вэньчжоу встретился взглядом с Чу Янем, снова склонился к его уху и терпеливо повторил вопрос. Его мягкое, ровное дыхание коснулось ушной раковины юноши.

Он был энигмой, умевшим внушать доверие, обладавшим мощной харизмой и лидерскими качествами. В этом заключалось особое обаяние императора: глубокое чувство силы, подкрепленное мудростью и выдержкой. Голос его был бархатным, с сексуальными низкими нотами, а четкая артикуляция выдавала в нем человека методичного и проникательного.

— Должно быть, низкий сахар. У меня это часто бывает, — ответил Чу Янь, стараясь привыкнуть к близости и сохраняя хладнокровие. — У вас есть конфеты или шоколад? Или что-то другое, чтобы восполнить уровень сахара? Благодарю за помощь, ваше величество.

Маленький альфа подавил охвативший его трепет перед императором, собрал волю в кулак и, стараясь говорить максимально четко, вежливо обратился к правителю.

— Думаю, это подойдет.

Император достал из кармана мундира золотистый шоколадный шарик — именно той марки, которую больше всего любил Чу Янь.

— Подойдет? Если нет, скажи, что бы ты хотел, и я прикажу купить.

Каждую фразу император терпеливо повторял прямо у уха Чу Яня, внимательно следя за его реакцией. Если в глазах Чу Яня читалось замешательство, Цзян Вэньчжоу знал: тот не расслышал, и повторял сказанное по три-пять раз. Любой другой на его месте уже вышел бы из себя, но Цзян Вэньчжоу не выказывал ни тени раздражения.

— Да, подойдет. Простите, что доставляю вам хлопоты.

— Пустяки. Не будь со мной так официален. И забудь про эти любезности. Ты пострадал из-за меня. Разве не естественно, что я должен взять на себя ответственность за твое состояние?

Цзян Вэньчжоу развернул золотистую обертку и поднес шоколад к губам Чу Яня. Он наблюдал, как губы маленького альфы, похожие на лепестки увядшей розы, слегка приоткрылись, принимая лакомство. Сердце императора неконтролируемо забило в груди.

Никогда прежде, за тридцать лет жизни, он не испытывал ничего подобного: сердце колотилось, как набат, по телу разливалась мелкая дрожь, а по венам, казалось, бежала не кровь, а электрические разряды. Это ощущение напоминало удар молнии, поразивший кору головного мозга — возбуждающее, дурманившее, почти галлюциногенное удовольствие с такой силой пронзило его, что он вздрогнул всем существом. Каждое нервное окончание отозвалось на присутствие человека в его руках. Взрывная волна обожания сменилась мощным выбросом гормонов, хлынувшим в сознание.

От одного вида этого прекрасного и хрупкого альфы мозг императора начал вырабатывать огромное количество гормонов привязанности, смешанных с мощным потоком феромонов. Словно предначертанная судьбой встреча с возлюбленным вызвала бурю эмоций, пробежавшую по всем венам и капиллярам, окончательно пленив императора.

Цзян Вэньчжоу был зрелым энигмой; он знал, что это чувство называется любовью с первого взгляда.

— Стало лучше? Хочешь еще одну?

— Что вы сказали?

— Я спросил, стало ли тебе лучше? Хочешь еще? У меня есть, целая коробка.

— Можно?

— Конечно, можно.

— Большое спасибо. Тогда дайте мне еще пять штук, пожалуйста.

— Хорошо. Ты ранен, я сам тебя покормлю.

— Не нужно, я справлюсь сам, как я могу утруждать вас такими мелочами...

Чу Янь почувствовал неловкость, но Цзян Вэньчжоу настоял на своем, и юноша, не желая проявлять неуважение к императору, принял его заботу.

— Спасибо. Когда я поправлюсь, я обязательно отплачу вам сторицей.

Цзян Вэньчжоу освобождал шоколадные шарики от оберток и по одному подавал Чу Яню. В процессе он случайно коснулся его губ. Несмотря на то, что Чу Янь был холодным, упрямым и решительным маленьким альфой, его губы оказались неожиданно мягкими. Пальцы императора невольно дрогнули, он опасался, что юноше это не понравится, но, увидев, с каким усердием тот глотает сладость, успокоился.

Какие мягкие губы, — отстраненно подумал Цзян Вэньчжоу. — Поцеловать его, должно быть, невероятно приятно.

Пока Чу Янь приходил в себя, дождь усилился. Нин Фэй, капитан личной охраны императора, и Янь Ань, глава секретариата, стояли в пяти метрах от них. Оба были альфами.

— Дождь припустил сильнее, — сказал Нин Фэй. — Пойду укрою его величество зонтом.

— Не ходи, — отозвался Янь Ань. — Разве император не сказал? Что бы ни случилось, мы не должны приближаться, пока он не отдаст приказ.

— Но они же моknут под дождем!

— Ничего ты не понимаешь. Ты что, слепой? Император своим телом прикрывает этого маленького альфу. Он сейчас ухаживает за ним. Это их интимный момент. Если помешаешь его величеству, посмотришь потом, как он с тобой расправится.

Нин Фэй вздохнул: — ...Ладно, не злись. Не пойду я к ним. Тебе зонт поддержать?

Чу Янь съел несколько шоколадных шариков, и силы постепенно начали возвращаться. Наконец он заметил, что величайший правитель империи уже давно снял верхнюю часть своего мундира. Прямая спина императора была слегка наклонена вперед — он собственным телом и одеждой защищал его от дождя.

Его волосы, лицо и рубашка промокли, капли дождя стекали по твердой линии носа. Черные волосы прилипли к высокому лбу. Он выглядел сексуально, надежно и непоколебимо — казалось, ни один шторм не сможет пошатнуть его волю защищать маленького альфу. Порыв ветра заставил соседние деревья шуметь, но фигура энигмы не дрогнула ни на дюйм, он продолжал надежно укрывать Чу Яня от непогоды.

— Пошел дождь. Ваша одежда совсем промокла, — прошептал Чу Янь, чувствуя тепло и твердость груди энигмы. Он был словно крепость, стоящая рядом с раненым, словно тихая гавань. — Ваше величество, мне уже лучше. Я могу встать. Давайте уйдем отсюда?

Чу Янь приподнялся в его руках. Головокружение прошло.

— Хорошо.

Цзян Вэньчжоу помог ему подняться и поманил Нин Фэя и Янь Аня: — Идите сюда.

Те немедленно подбежали и раскрыли над ними зонты.

— Положите багаж Чу Яня в багажник моей служебной машины, — приказал Цзян Вэньчжоу, передавая чемодан Нин Фэю.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Чу Янь, пойдем со мной.

Цзян Вэньчжоу совершенно естественно взял Чу Яня за руку, переплетя пальцы, и крепко сжал ладонь маленького альфы.

— Я отвезу тебя в больницу на обследование. Заодно подберем тебе слуховой аппарат. И очки.

<http://bllate.org/book/22365/2345221>